

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

А. Я. Вышинский и советская доктрина международного права.

Глава 1.

Лето 1940 года.

Секретная миссия Вышинского в Латвии

Опубликовано: Законодательство. 2024. № 3. С. 86–94

6 сентября 1940 года Постановлением СНК СССР заместитель председателя СНК СССР А. Я. Вышинский, курировавший сферы культуры, науки и образования, а также сектор административно-судебных учреждений и НКВД, был назначен первым заместителем народного комиссара иностранных дел. Подписал данное постановление В.М. Молотов, занимавший пост председателя СНК СССР и одновременно наркома иностранных дел.

С этого момента и до конца своих дней бывший прокурор СССР действовал на поприще внешней политики Советского государства. До 4 марта 1949 года Вышинский являлся заместителем наркома (с 15 марта 1946 г. — министра) иностранных дел СССР, затем ровно четыре года был министром иностранных дел СССР, а с 5 марта 1953-го и до своей кончины 22 ноября 1954 года исполнял обязанности постоянного представителя СССР при ООН.

Это был другой мир, значительно отличавшийся от мира прокуратуры и суда, за многие годы ставшего привычным для Вышинского. Но Андрей Януарьевич и на новом месте проявил себя как незаурядный деятель и стал заметной фигурой. Отныне все важнейшие события во внешней политике Советского государства совершались при его участии, были в той или иной степени связаны с его личностью.

Занимая должность прокурора СССР, Вышинский являлся не только чиновником, но и правоведом. На многочисленных совещаниях прокурорских работников он часто выступал одновременно и как высший руководитель советской прокуратуры, и как ученый-юрист. Многие его речи на таких совещаниях были похожи на научные доклады по уголовному праву и уголовному процессу. И в них часто звучали обращенные к работникам органов прокуратуры призывы учиться, осваивать теоретические основы юридических

наук. Его объемный и очень содержательный доклад «Основные задачи науки советского социалистического права», произнесенный 16 июля 1938 года на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, показал, что занимая высокую, но в тех условиях в высшей степени обременительную должность прокурора СССР, Вышинский продолжал внимательно следить за тем, как развивались различные отрасли советского права и правоправедения.

Новые обязанности изменили круг научных интересов Вышинского: он стал больше внимания уделять международному праву. Его многочисленные речи на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности ООН, в международных комитетах ООН и в рамках других международных форумов были посвящены в значительной мере проблемам толкования тех или иных категорий международного права, понимания смысла его основополагающих институтов и принципов. Эти речи составили пять объемных сборников, изданных с 1949-го по 1952 года и имевших весьма примечательное название: «Вопросы международного права и международной политики». Практические проблемы международных отношений и научные вопросы международного права слились воедино в государственной деятельности А.Я. Вышинского в период 1940-х — начала 1950-х годов, так же как соединились в его личности в это время идеолог, политик и правоведа.

В 1920-е годы в советском правоправедении была предпринята попытка сформировать особый, социалистический вариант международного права — так называемое международное право переходного периода. Вышинский резко выступил против этого в докладе на первом совещании по вопросам науки советского права и государства, считая, что международное право должно быть единым для всего мира, иначе оно не сможет выполнять свои главные функции. Однако он хорошо понимал, что одни и те же принципы, институты, идеи международного права могут пониматься неодинаково и оцениваться с разных точек зрения, с позиций часто прямо противоположных, антагонистических интересов. Когда мир раскалывается на миры, иначе и быть не может — неизбежно складываются разные варианты международного права, но эти варианты исключительно смысловые, теоретические, доктринальные.

В своих публичных выступлениях в рамках международных организаций Вышинский как представитель Советского государства отстаивал такое понимание институтов международного права, его принципов и в целом его сущности, которое соответствовало здравому смыслу и интересам нашей страны. То была советская доктрина международного права, формировавшаяся

в условиях ожесточенной борьбы между державами — при таком состоянии международных отношений, в котором мир (Peace, Paix, Frieden) в действительности не являлся миром. Это состояние мира, как будто в насмешку, называлось «холодной войной». Вышинский был главным советским воином в этой войне. Ялтинская конференция 4–11 февраля 1945 года с участием руководителей СССР, США и Великобритании; капитуляция нацистской Германии вместе с нацистской Европой, создание ООН; Нюрнбергский процесс как международный суд над главарями нацистского режима, превратившими государство в орудие своих страшных преступлений, и над нацизмом как идеологией, разрушающей человечность и человечество, — эти эпохальные достижения создали мир, который, пусть и в полуразрушенном состоянии, существует до сих пор. Во всех этих грандиозных мировых событиях активным участником был Андрей Януарьевич Вышинский.

Его государственная деятельность в 1940-е — начале 1950-х годов, связанная с внешней политикой Советского государства, известна по разным причинам намного меньше, чем его деятельность на посту прокурора СССР в 1930-е годы. Но ее необходимо изучать, так как в событиях, где он играл весьма значимую роль, можно найти ключ ко многим геополитическим тайнам современной эпохи. Эти события оказали огромное влияние и на становление современного международного правопорядка.

Советская доктрина международного права также формировалась не в университетских аудиториях, не кабинетах ученых правоведов и не на страницах научных книг и статей, а на полях дипломатических сражений, в атмосфере острейших политических, идеологических и юридических споров между представителями мировых держав в рамках международных организациях. Деятельность Вышинского в сфере внешней политики Советского государства показывает, как на самом деле все это происходило.

* * *

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) о назначении Вышинского первым заместителем наркома иностранных дел не было спонтанным. За два месяца до его принятия Андрей Януарьевич прошел серьезную проверку своей способности действовать на поприще внешней политики Советского государства так же эффективно, как он работал внутри страны.

17 июня 1940 года Вышинский был направлен в столицу Латвии Ригу. Это была секретная миссия, хотя официально она была оформлена

соответствующим документом. В нем говорилось: «Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик объявляет, что настоящим он уполномочивает гражданина Вышинского Андрея Януарьевича на ведение переговоров с Президентом Латвийской Республики по вопросам, связанным с представлением, сделанным Латвийскому Правительству Правительством Союза ССР 16 июня с. г.»¹. Внизу документа стояли дата «Москва 17 июня 1940 г.» и подпись Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина.

Андрей Януарьевич занимал в то время пост заместителя председателя СНК СССР, но его направили в Латвию в качестве рядового гражданина. Он, член Советского правительства, в Латвии представлял Президиум Верховного Совета СССР. Но странности его визита в Латвию летом 1940 года этим фактом не исчерпывались.

В документе, который уполномочивал А. Я. Вышинского на переговоры с Карлом Ульманисом, последний назывался Президентом Латвийской Республики. Но в действительности Ульманис был диктатором, имевшим весьма шаткие юридические основания для осуществления президентских полномочий. 15 мая 1934 года, воспользовавшись слабостью латышского гражданского общества, он, будучи премьер-министром, совершил государственный переворот, а чтобы укрепиться во власти, распустил партии, закрыл оппозиционно настроенные газеты, и главное, приостановил действие Конституции Латвийской Республики. В СССР и Латвии данный переворот считали фашистским². Такую же оценку дают ему и современные английские историки Петер Дэвис и Дерек Линч, утверждая, что в результате переворота 1934 года «фашистский Крестьянский союз получил власть в Латвии; Карлис Ульманис стал диктатором»³.

11 апреля 1936 года, после ухода в отставку по истечении срока полномочий прежнего президента Алберта Квиесиса Ульманис просто объявил себя новым президентом и премьер-министром Латвии, как это сделал в нацистской Германии в августе 1934 года Адольф Гитлер.

¹ Полномочие, выданное на имя Вышинского А.Я. Президиумом Верховного Совета СССР. 17 июня 1940 г. // Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 399.

² Жагарс Э. Фашистский переворот 15 мая 1934 года // Латвия на грани эпох. Кн. 2. Рига, 1988. С. 59–77.

³ «Fascist Peasant Union gains power in Latvia; Karlis Ulmanis becomes dictator» (Davies P., Lynch D. The Routledge Companion to Fascism and the Far Right. London, New York, 2002. P. 22).

Официальное представление, направленное Латвийскому Правительству Правительством Союза ССР 16 июня 1940 года, содержало заявление Советского правительства, обвинявшее правительство Латвии в грубом нарушении советско-латвийского Пакта о взаимопомощи⁴, а конкретно — его статьи IV, в которой запрещалось обеим сторонам «заключать какие-либо союзы или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»⁵. Сделав из факта указанного нарушения вывод о том, что «подобное положение не может быть дальше терпимо», Советское правительство заявило, что «считает совершенно необходимым и неотложным: «1. Чтобы немедленно было сформировано в Латвии такое правительство, которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-латвийского Пакта о взаимопомощи; 2. Чтобы немедленно был обеспечен свободный пропуск на территорию Латвии советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах Латвии в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-латвийского Пакта о взаимопомощи и предотвратить возможные провокационные действия против советского гарнизона в Латвии»⁶.

⁴ Пакт о взаимопомощи между СССР и Латвийской Республикой был заключен в Москве 5 октября 1939 г. Согласно ему стороны обязывались «оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ Договаривающихся Сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Эстонии или Литовской Республик, а равно и указанных в статье III баз» (Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. С. 85). В статье III Пакта предусматривалось, что «Латвийская республика, в целях обеспечения безопасности СССР и укрепления своей собственной независимости, предоставляет Союзу право иметь в городах Лиепая (Либава) и Вентспилс (Виндава) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации, на правах аренды по сходной цене» (там же).

⁵ «На основании имеющихся у Советского правительства фактических материалов, — говорилось в заявлении, — Советское правительство считает установленным, что Правительство Латвии не только не ликвидировало созданный еще до заключения советско-латвийского Пакта о взаимопомощи военный союз с Эстонией, направленный против СССР, но и расширило его, привлекая в этот союз Литву, и старается вовлечь в него также Финляндию» (Заявление Советского правительства Правительству Латвии. 16 июня 1949 г. // Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990. С. 386).

⁶ Там же. С. 387.

Подобный ультиматум был предъявлен Советским правительством 16 июня 1940 года также Эстонскому правительству, а двумя днями ранее — Литовскому правительству.

Карл Ульманис принял ультиматум правительства СССР, и в тот день, когда в Ригу прибыл из Москвы «гражданин» Вышинский, в Латвию вошли советские войска⁷.

Есть основания думать, что советское руководство в то время еще не имело намерений включить три Прибалтийские страны, бывшие до революции 1917 года неотъемлемой частью Российской империи, в состав СССР. Но в чем же тогда заключалась настоящая задача «гражданина» Вышинского, что действительно он должен был сделать в июне 1940 года в Риге?

Удивительно, но советские газеты при освещении ситуации в Прибалтике летом 1940 года и, в частности, тех бурных и судьбоносных событий, которые происходили тогда в Риге, не называли фамилию Вышинского. В столице Латвии в то время работал сотрудник Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности П. А. Судоплатов. В конце жизни Павел Анатольевич рассказал в мемуарах об этом эпизоде своей биографии, но о Вышинском, с которым он не мог не видеться, а скорей всего даже совместно действовал, не упомянул вовсе. О своей поездке в Ригу Судоплатов писал: «Мой визит, был частью комплексной операции по захвату контроля над правительством Латвии. Руководил ею Меркулов, первый заместитель Берии, тайно прилетевший в Ригу еще до меня для координации плана действий на месте. Находясь в Риге под видом советника Молотова, я

⁷ Латвийское телеграфное агентство сообщило гражданам республики 17 июня 1940 г.: «После получения 16 июня заявления Советского правительства правительство [Латвии] немедленно собралось на чрезвычайное заседание под руководством президента страны д-ра Карла Ульманиса. Правительство приняло решение сообщить Советскому правительству, что в духе того же полного доверия, с каким оно доныне выполняло Пакт о взаимопомощи, оно согласилось на требование Советского правительства ввести в Латвию советские воинские части. После этого правительство в полном составе подало президенту страны прошение об отставке. Президент страны обязал всех министров возглавлять вверенные им учреждения до формирования нового правительства. Уполномоченный представитель латвийской армии ночью выехал на границу, чтобы условиться с уполномоченным советских войск о порядке ввода войск. Первые советские части ранним утром 17 июня перешли границу. Сегодня в 10 час. утра правительство вновь собралось на заседание под руководством президента страны д-ра Карла Ульманиса. На заседании было принято решение о защите интересов вкладчиков» (Сообщение Латвийского телеграфного агентства. 17 июня 1940 г. // Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. С. 398).

докладывал обо всем Меркулову, у которого был прямой выход по телефону на Молотова и Берия. Между тем правительству в Риге был предъявлен ультиматум. В результате президент Ульманис вынужден был уйти со своего поста, наши войска оккупировали⁸ Латвию и экс-президента арестовали»⁹.

20 июня 1940 года в 15 часов 10 минут находившийся в Риге Вышинский направил телефонограмму для председателя СНК В. М. Молотова: «Прошу передать Вячеславу Михайловичу: сегодня в 11 часов утра вместе с тов. Деревянским (полномочный представитель СССР в Латвии. — В.Т.) посетил Ульманиса, который сообщил, что никаких возражений или предложений об изменении состава нового кабинета министров по нашему списку он не имеет. Также не настаивает на предложении о Блюмберге, если мы считаем его неприемлемым»¹⁰.

Из этих слов видно, что Вышинский занимался в Риге формированием нового состава правительства для Латвии, список членов которого был предварительно согласован в Москве. Содержание дальнейшего разговора показывает, что Андрей Януарьевич, имея в виду предварительно согласованное в Москве решение о составе правительства, учитывал конкретные обстоятельства и вносил в это решение свои коррективы. Молотов в ответе на телефонограмму Вышинского, переданном через помощника, попросил повторить, «правильно ли передано о Блюмберге, так как этой фамилии у него не имеется». Вышинский ответил, что сведения о Блюмберге он передавал шифровкой, посланной 20 июня в 5 часов 30 мин. утра, так же как

⁸ С юридической точки зрения ввод советских войск в Латвию не был оккупацией, он предпринимался для предотвращения нарушений советско-латвийского Пакта. Гаагская Конвенция от 18 октября 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны» называет оккупацией захват территории «враждебного государства (the hostile state)», т.е. находящегося в состоянии войны. Согласно статье 42 данной конвенции «Территория признается занятой, если она действительно находится во власти неприятельской армии. Занятие (оккупация) распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность (Territory is considered occupied when it is actually placed under the authority of the hostile army. The occupation extends only to the territory where such authority has been established and can be exercised)». СССР не находился в состоянии войны с Латвией, поэтому его действия невозможно было назвать «оккупацией».

⁹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 1998. С. 153.

¹⁰ Телефонограмма уполномоченного Правительства СССР в Латвии А.Я. Вышинского в НКВД СССР. 20 июня 1940 г. // Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. С. 408.

подробно описал переговоры с Ульманисом ночью по списку нового кабинета¹¹. И далее привел доводы, заставившие его изменить московский список будущего латвийского правительства. Они показывают, что Вышинский опирался более на соображения здравого смысла, нежели на какие-то идеологические догмы, и старался убедить Молотова принять эти соображения, хотя знал, что он плохо воспринимает любые проявления самостоятельности со стороны своих подчиненных. «Блумберг, — сообщил Вышинский Молотову, — занимает в нынешнем правительстве пост министра торговли и промышленности и временно исполняет обязанности министра финансов. Блумберг считается крупным экономистом — кооператором, старый кооперативный деятель, хороший практик, пользуется большим авторитетом в торгово-промышленных кругах, политически бесцветная фигура. Различные группы передовой общественности высказываются о сохранении его в новом кабинете... Наше мнение о Блумберге — целесообразно временно сохранить в новом кабинете, так как другого кандидата пока не имеем. Подыскиваем. Ждем указаний»¹².

В. М. Молотов в свою очередь приказал своему помощнику передать Вышинскому, что ответ на эти доводы даст позже.

Приведенная телефонограмма А. Я. Вышинского интересна еще и тем, что Андрей Януарьевич выступал в ней представителем не Президиума Верховного Совета СССР, как назывался он в сопроводительном документе, а советского правительства. Но самое важное для нас в этой телефонограмме — выраженное в данном общении Вышинского с Молотовым стремление сформировать не временное, а постоянное правительство для Латвии. И то, что оно оказалось все же временным, было явным нарушением первоначального замысла советского руководства. Состав правительства, предлагавшийся советским руководством, должен был всего лишь «полностью обеспечить честное выполнение договора о

¹¹ Заверенная копия данной шифровки хранится в Архиве внешней политики российской Федерации (Ф. 059. Оп. 1. П. 329. Д. 2263. Л. 202-204) и размещена на сайте Президентской библиотеки. В ней Вышинский докладывал Молотову: «19 [июня] в 23 часа 45 минут посетил президента. Беседа продолжалась 30 минут. Разговор начался с вопроса о необходимости разделения функций президента государства и министра-президента. Ульманис пытался сделать возражение, но быстро снял свое возражение и согласился с нашим предложением». Далее Вышинский сообщил, что предъявил Ульманису список членов нового правительства и тот, ознакомившись с фамилиями будущих министров, сказал, что «все кандидаты, кроме Латковского, ему известны как популярные общественные деятели», и попросил согласия на введение в новое правительство министра торговли и промышленности Блумберга.

¹² Телефонограмма уполномоченного Правительства СССР в Латвии А.Я. Вышинского в НКВД СССР. 20 июня 1940 г. С. 408.

взаимопомощи». Об этом Вышинский прямо сказал Ульманису во время ночной встречи с ним с 19 на 20 июня 1940 года.

Вечером 20 июня секретариат президента Ульманиса объявил о новом правительстве Латвии. Блюмберг не вошел в его состав, вместо него временным министром финансов был назначен министр юстиции юрист Юрис Паберз. Возглавил правительство Латвии латышский ученый-микробиолог преподаватель Латвийской сельскохозяйственной академии в Елгаве Август Мартынович Кирхенштейн (1872–1963). В 1939 году он как председатель Общества сближения народов Латвии и СССР приезжал в Москву и, вероятно, именно тогда обратил на себя внимание советского руководства.

Одной из сложнейших задач, которые надлежало решить в Риге Вышинскому, заключалась в том, чтобы уговорить Кирхенштейна стать во главе правительства и всей Латвийской республики, заменив Карла Ульманиса. Сделать это было непросто: Август Мартынович не отличался честолюбием, в его жизни не было ничего такого, что могло заставить его пойти на такой в высшей степени рискованный шаг. Его младший брат Рудольф Мартынович Кирхенштейн служил в советской разведке и в 1938 году был репрессирован. Август Мартынович вполне мог знать об этом. Таким образом, ситуация сложилась очень непростая. Вряд ли вообще кто-то мог выполнить задачу уговорить латышского ученого принять на себя обязанности главы правительства своей страны в той неопределенной, таившей много различных опасностей обстановке. Именно поэтому выбор советского руководства пал на Вышинского, и он оправдал возлагавшиеся на него надежды.

В 1962 году на праздновании своего девяностолетия А. М. Кирхенштейн рассказал своим друзьям, что 17 июня 1940 года пил кофе в известном в Риге ресторане «Отто Шварц», где его каким-то образом нашел курьер из советского представительства и пригласил на встречу с только что прибывшим из Москвы Вышинским. Андрей Януарьевич якобы сразу предложил ему возглавить новое правительство Латвии, и Август Мартынович якобы сразу согласился.

Вряд ли в действительности все произошло так гладко: Кирхенштейн почему-то умолчал о состоявшемся во время этой встречи разговоре, а то, что какой-то разговор у него с Вышинским был, можно предполагать с большой уверенностью — слишком тревожная ситуация складывалась тогда вокруг трех Прибалтийских республик. Нацистская Германия уже начала подтягивать свои войска к их границам, явно готовясь войти на их территорию. В свою очередь Вышинский также никогда не рассказывал о подробностях своей беседы с

Августом Кирхенштейном и, в частности, о том, как ему удалось уговорить латышского ученого, достигшего весьма солидного возраста на такой авантюристический поступок, от которого многие и более молодые люди воздержались бы. Впрочем, Андрей Януарьевич вообще никогда никому не рассказывал, что он пребывал в июне 1940 года в Риге и что именно при нем, и благодаря во многом ему, Латвия совершенно безболезненно и мирно вошла в состав СССР.

Дело в том, что в первоначальный замысел советского руководства совсем не входило превращение Латвии в социалистическую республику в составе СССР. Действия Вышинского в Риге в первые дни после его прибытия сюда, а также содержание его секретных донесений в Москву демонстрируют это со всей очевидностью. Советскому государству по целому ряду причин было выгодно оставить Литву, Латвию и Эстонию формально самостоятельными, суверенными государствами, но обеспечив невозможность их поглощения фашистской Германией, не прибегая к военной агрессии.

Вышинский встретился в Риге не только с Августом Кирхенштейном, но и с представителями коммунистической партии Латвии, деятельность которой прежде была запрещена. Он поддержал просьбу коммунистов выпустить на свободу всех политических заключенных, но долго не соглашался на предложение провести 21 июня демонстрации в Риге и других городах Латвии, опасаясь, что публичные шествия нарушат порядок. Свое согласие на это мероприятие он дал лишь заручившись обещанием коммунистов не допустить беспорядков.

Демонстрации действительно прошли без особых нарушений порядка, хотя и оказались на удивление массовыми. Мимо здания советского дипломатического представительства в Риге 21 июня 1940 года прошло приблизительно 80 000 тысяч демонстрантов¹³, причем это были в основном латыши. Андрей Януарьевич весь день, почти 9 часов, стоял на балконе советского представительства, приветствуя людей, проходивших мимо него с лозунгами в поддержку Советского Союза и с осуждением диктатуры Ульманиса, взмахом руки и несколькими фразами на латышском языке, которые успел выучить.

На следующий день Вышинский и сопровождавший его во все время пребывания в Риге полпред СССР В. К. Деревянский направили в Наркомат

¹³ Численность всего населения Риги составляла в то время примерно 350 000 человек.

иностранных дел В. М. Молотову телеграмму, в которой сообщили: «Заметно нарастает с каждым днем активность населения. На собраниях, демонстрациях, в листовках выставляются требования организации Советской власти, присоединения Латвии к СССР, легализации коммунистической партии, убрать Ульманиса, отдать под суд старое правительство. Особенно ярко это проявилось в сегодняшней¹⁴ демонстрации в Риге. Демонстрация началась утром в момент освобождения политзаключенных. Освобождено 153 человека. По окончании демонстрации около дворца Ульманиса собрались 4–5 тыс. человек, требуя снятия государственного флага, пытаясь проникнуть в замок. По телефону обратились к нам за помощью. По нашему указанию командование приняло необходимые меры охраны и обратилось с призывом к собравшимся разойтись по домам, что и было исполнено. Вскоре в городе установился полный порядок»¹⁵.

Как видим, Вышинский и полпред СССР больше заботились о сохранении порядка в Риге, чем о поддержке коммунистической партии Латвии. Более того, коммунисты не рассматривались Вышинским как приоритетная сила даже после того, когда им удалось днем ранее продемонстрировать свою силу на улицах Риги и других латышских городов. «Просим дать указания по следующим вопросам, — обращается Вышинский вместе с полпредом к Молотову: 1) О легализации социал-демократической партии и других буржуазно-демократических партий, вопрос о легализации компартии и помощи ей в восстановлении и работе. Само собой ясно, что в этом отношении также нужна серьезная помощь из СССР людьми и средствами. 2) О порядке выборов местных органов самоуправления и прочее, а в связи с этим и о пересмотре избирательного закона в сторону его большей демократизации. В случае признания Вами целесообразности этого, представим конкретное предложение, этот вопрос уже ставится с разных сторон. 3) Целесообразно ли слияние коммунистической и социал-демократической партии, что особенно, по нашим сведениям, формируют социал-демократические группы, очевидно, рассчитывающие использовать момент в своих интересах. Мы в

¹⁴ Текст телеграммы писался вечером 21 июня 1940 г.

¹⁵ Телеграмма уполномоченного Правительства СССР в Латвии А.Я. Вышинского и полпреда СССР в Латвии В.К. Деревянского в НКВД СССР. 22 июня 1940 г. // Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. — август 1940 г. С. 419.

целесообразности этого шага сомневаемся. По этому поводу необходимо было бы дать по линии Коминтерна соответствующее указание»¹⁶.

Получается, Вышинский считал социал-демократическую партию буржуазно-демократической и допускал легализацию в Латвии также других буржуазно-демократических партий.

Зачем же тогда он был направлен в Ригу? Вероятно, задача была единой для всех советских работников, действовавших летом 1940 года в Латвии, Литве, Эстонии, — будь то советские военачальники, сотрудники НКВД СССР, партийные работники или специальные представители советского руководства, которым как раз и являлся А. Я. Вышинский. Они сообщали и исполняли один и тот же план, выражавший тайный замысел советского руководства.

В чем заключался этот замысел показал в своих последних мемуарах П. А. Судоплатов, занимавший в 1940 году должность заместителя начальника отдела иностранной разведки ГУГБ НКВД СССР. Павел Анатольевич вспоминал: «Нам нужна была буферная зона, отделявшая нас от сфер влияния других мировых держав, и мы проявляли готовность идти на жесткую конфронтацию в тех районах, где к концу войны находились войска Красной Армии. Снова повторяюсь, **задачу построения коммунизма Кремль видел главным образом в том, чтобы всемерно укреплять мощь советского государства.** Роль мировой державы мы могли играть лишь в том случае, если государство обладало достаточной военной силой и было в состоянии подчинить своему влиянию страны, находящиеся у наших границ. **Идея пропаганды сверху коммунистической революции во всем мире была дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы,** влияющей на все события в мире. Хотя изначально эта концепция и была идеологической, она постепенно стала реальным политическим курсом»¹⁷ (выделено мной. — В.Т).

Когда многочисленные публицисты, набрасывающиеся на социализм, приводят в качестве примера его практического воплощения «ужасное» Советское государство 1930-х годов, они, сами того не подозревая, или вполне осознанно, повторяют миф о построении в СССР социалистического общества, который создала когорта большевиков-государственников во главе со

¹⁶ Там же. С. 420.

¹⁷ Судоплатов П.А. Указ. соч. С. 154–155.

Сталиным. Между тем в действительности эта когорта строила государство, способное обеспечить небывалое по степени сосредоточение всех материальных и людских ресурсов страны в распоряжении верховной государственной власти. Именно эту сверхцентрализованную организацию управления обществом Сталин и его соратники называли социализмом, при этом ясно понимая, что главное предназначение этой организации — не обеспечить всем гражданам страны комфортную материальную и духовную жизнь, а спасти страну от уничтожения в результате военного удара со стороны нацистского Запада. Именно поэтому во внешней политике советское руководство действовало рационально, не стремясь в странах, окружавших СССР претворить в жизнь коммунистические и социалистические идеалы, но желая отодвинуть территорию, на которой будут скапливаться вражеские войска для нападения на СССР, как можно дальше на запад и тем самым удлинить западным захватчикам путь до сердца Русской цивилизации — Москвы.

П. А. Судоплатов в своих мемуарах засвидетельствовал, какие цели открыто ставили перед ним и его коллегами летом 1940 года. Нашей стране действительно была жизненно необходима **«буферная зона, отделявшая нас от сфер влияния других мировых держав»**¹⁸. Чтобы создать такую зону из Латвии, и был направлен в Ригу 17 июня 1940 года А. Я. Вышинский.

Но что же заставило советское руководство, а потом и представителя Президиума Верховного Совета СССР в Латвии А. Я. Вышинского отказаться от первоначального замысла создать из прибалтийских республик только буферную зону и не более того? На этот вопрос ответили сами латыши, литовцы и эстонцы — ответили своим стихийным порывом войти в состав СССР. Этого неожиданно массового народного движения и советское руководство, и особенно его представитель в Латвии А. Я. Вышинский всерьез опасались. И только убедившись, что данный порыв был совершенно искренним, пошли ему навстречу. Но почему латыши так открыто и неистово выступили против своей

¹⁸ Именно такая цель составляет главную подоплеку и нынешней специальной военной операции на Украине, и это не скрывается. А советское руководство боялось открыто сформулировать эту вполне благородную цель — стремление спасти страну от внешней агрессии превосходящих сил Запада, потому что могло лишиться миллионов своих сторонников в мире, испытывавших к СССР симпатию только потому, что в этой стране строился социализм или даже коммунизм.

молодой государственности, почему не простили ей допущенные по неопытности ошибки и прегрешения?

В 1994 году в первых четырех номерах литературного журнала «Даугава» были опубликованы мемуары юриста, выпускника юридического факультета Санкт-Петербургского университета, Г. И. Гроссена (1881–1974). Он жил с января 1920-го до 27 февраля 1941 года в Риге, в 1928 году даже получил гражданство Латвии. И он хорошо знал, что происходило в Латвии — как в обществе, так и в сферах государственной власти. Объясняя оглушительный, неожиданный и для советского руководства, и для руководителей стран Запада крах самостоятельной латышской государственности в 1940 году, Генрих Иванович писал: «После отставки правительства Ульманиса члены его куда-то исчезли, кто бежал, кто был арестован. Не знаю, долго ли думал сидеть Ульманис на своем посту, но большевики, видно, решили, что «мавр сделал свое дело — мавр может уйти», да и выкрики уличной черни: “Долой Ульманиса!”, “Под суд его!”, — давали ясно понять, что пора убрать его. Исчез Ульманис. А сделал он для большевиков немало своим шовинизмом. Он уничтожил национальную автономию меньшинств, загнал русский и немецкий языки чуть ли не в подполье, запретил чиновникам говорить с публикой на этих языках (по щучьему велению все чиновники Латвии вдруг забыли русский и немецкий языки!), прекратил издание книг и брошюр на этих “варварских” языках. В Латгалии большую часть русских школ превратил в «смешанные», т. е. все преподавание шло на латышском языке, но допускалось преподавание и русского языка. В латышских основных школах уничтожил преподавание немецкого или русского языка, а ввел английский, чуждый латышскому населению язык, да и никому не нужный как по географическим соображениям, так и практическим (экономическим), а только ради ненависти к двум могучим народам — немецкому и русскому — и в силу какой-то слепой веры в мировое могущество Англии!.. Много учителей, даже молодых, оказалось без работы, а часть получили пенсии. Без места оказались русские в казенных и городских учреждениях просто потому, что они были русские. То же самое случилось с журналистами закрытых газет и журналов, когда-то враждебных Ульманису и его окружению.

А окружение Ульманиса росло и богатело, так как — по латышской пословице — “ело сразу несколькими ложками”, т. е. занимало несколько

должностей сразу, в то время как большое число интеллигентных людей голодало»¹⁹.

К этой оценке Генрихом Гроссеном установившегося во второй половине 1930-х годов в Латвии, в которой он тогда жил, политического режима следует добавить, что преследованиям со стороны властвовавших и рядовых латышей подвергались исключительно по этническим признакам не только русские, но и евреи. Удивительно, как все повторяется в жизни народов!

14 и 15 июля 1940 года состоялись выборы в латвийский Народный сейм. Партийный блок «Трудовой народ Латвии», в котором доминировали коммунисты, получил 97, 8% голосов. А в выборах участвовали почти все имевшие право голоса — 1 181 323 человека из 1 246 214. В Литве за коммунистическую партию проголосовало 99, 2%, в Эстонии — 92, 8%. 21 июля Народный сейм Латвии принял Декларацию, в которой объявил о преобразовании Латвии в Советскую Социалистическую Республику и о намерении просить Верховный Совет СССР принять ее в состав СССР.

5 августа 1940 года просьба Латвии была удовлетворена. В Литве и Эстонии подобные декларации были приняты также 21 июля, а в состав СССР они официально вошли соответственно 3 и 6 августа 1940 года.

Рассказывая о событиях лета 1940 года в Риге, Генрих Гроссен несколько раз упомянул в своих мемуарах об Андрее Януарьевиче Вышинском. Его приезд в столицу Латвии Гроссен почему-то датировал двумя днями позднее, чем это произошло на самом деле. «19 июня, — написал в своих мемуарах, — в Ригу прибыл великий палач малых народов товарищ председателя Совнаркома СССР А. Я. Вышинский, который в тот же день сделал “визит” президенту государства Ульманису. С этого дня фактическая судьба Латвии была в его руках»²⁰.

¹⁹ Гроссен Г.И. Жизнь в Риге // Даугава. 1994. № 4
(https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/ziznj-v-rige/05_zv_chetvertaja_chastj.html).

²⁰ Там же.